

Террор

Григорий Петрович Максимов

1937

Террор в России развивается с удивительной закономерностью. Большевики начали с расстрелов на месте преступления хулиганов и грабителей. Затем расстрелы были перенесены в подвалы бесчисленных чека. Расстреливали уже не только хулиганов и грабителей, но и мелких спекулянтов из рабочих и крестьян, мешочников, взяточников, преступников по должности. Одновременно с террором против уголовных, начали политический террор. Первыми жертвами политического террора были Шингарев и Кокошкин, кадеты-министры Временного правительства, затем расстрел эсеровской демонстрации за «учредилку», затем пришло первое убийство по суду: расстрел капитана Щастного, за то, что спас Балтийский флот. Со времени покушения Каплан на Ленина, убийства Урицкого и Володарского начался «классовый» террор. За покушение на Ленина расстреляли тысячи, при чём расстрелы производились сразу сотнями. Расстреливали не потому, что эти люди были причастны к покушению на Ленина или к убийству Урицкого и Володарского, а чтобы запугать: расстреливали бывших министров, помещиков, купцов, офицеров

Григорий Петрович Максимов
Террор
1937

Дело труда, Nr. 96 / 1937

ru.anarchistlibraries.net

только потому, что они принадлежали к господствующему классу, и мелких преступников. Ленин и Троцкий требовали больше убийств и чека с трибуналами работали вовсю, чтобы сделать революцию „великой”: ведь „великие буржуазные революционеры Франции сделали свою революцию великой посредством террора», учил партию Ленин.

Рабски копируя этих „великих революционеров», большевики последовательно уничтожали все политические группы партии в стране. Террор против контрреволюции, под которую большевики последовательно подводили всё новые и новые группы: капиталистические демократические элементы, социалисты-революционеры правые, социалисты-революционеры левые, анархисты, социал-демократы меньшевики, толстовцы и проч., в конце концов, привёл к полному, нераздельному и бесконтрольному господству одной партии, которая, что вполне естественно, начала делиться и дробиться на различные группы. В нормальных условиях партийной жизни ничего неестественного нет в существовании внутри партий расхождений и групп и идейной борьбы их между собой. Но в условиях существования русской коммунистической партии внутрипартийная борьба групп связана с вопросом власти групп и отдельных личностей в партии и стране, поэтому борьба неизбежно должна была обостриться и принять более острые и жестокие формы, чем борьба большевиков против других партий. Известно, что борьба религиозных сект между собой более ожесточённа, чем борьба различных религий. Это оправдывается на большевистском примере: большевики не казнили столько членов других социалистических партий и анархических групп сколько собственных членов и при том самых влиятельных.

За убийство Кирова было расстреляно 49 по негласному «суду», 150 без всякого суда, сотни, а может быть и тысячи, пошли в тюрьмы и ссылку. По процессу Зиновьева-

Каменева расстреляно 16; по процессу Пытакова-Радека-Сокольников расстреляно 13 человек. Предстоит процесс Бухарина-Рыкова. Предела «контрреволюции» расширились и уже включают в себя и саму коммунистическую партию, кроме сталинской группы, которая, раньше или позже, но неизбежно, тоже будет включена в эти пределы какой-либо другой группой. Террор близок к логическому завершению: он уже уничтожает своих творцов и могущественных защитников.

Убивать членов других политических партий было легко: к этому привыкли в стране и за границей, мировое общественное мнение и мировая совесть бессильно склонили голову перед постоянными умопомрачающими политическими преступлениями нашей эпохи, ставшими бытовым явлением, на которое не реагируют. Но чтобы убить виднейших деятелей большевизма и революции, основателей и строителей партии, необходимо, дабы не возбудить против себя дома и за границей общественного мнения, выдвинуть такие обвинения, которые убедили бы или, по меньшей мере, разъединили бы домашнюю и мировую общественность, внесли бы в неё смуту и нерешительность.

И вот сфабриковали процесс Зиновьева-Каменева, выдвинув против них террористический заговор на жизнь Сталина и др. «вождей». Добились, путём пыток и эксплуатации их верности партии, «самопризнания», но в своём чрезмерном рвении обставить дело так, чтобы комар носа не подточил, приплели гостиницу «Бристоль» в Копенгагене, которая не существует, провалив тем самым в глазах общественного мнения так блестяще обставленный «процесс».

Процесс 17 поставили уже на другую почву. Помня слова Ленина, что революции становятся великими благодаря террору, припомнили, что французский террор был ос-

нован на ложных обвинениях в предательстве, измене, сношении с неприятелем и проч. Против 17-ти выдвинули обвинение в заговоре с Японией и Германией о разделе России, обвинении в связи с тайной полицией германского фашизма, обвинении во вредительстве, отравлении войск и в желании восстановить капитализм. Троцкий опять, как и в процессе Зиновьева-Каменева, был центральной фигурой обвинения. Процесс 17-ти был построен по схеме процесса 16-ти: самопризнание и самооговор — основа процесса. Но ретивые палачи опять допустили ряд грубейших попыток, которые вскрывают всю ложь обвинения и «самопризнания», вынужденного опытными ловцами душ из ГПУ: полёт Пятакова на аэроплане в Осло на свидание с Троцким оказался выдуманным; количество крушений за один год догнали до фантастической цифры: 3.500 крушений, т. е. почти по десяти крушений каждый день.

Замечательно, что кроме 17-ти подсудимых никого больше не поймали. Как же они могли сами, не имея обширной сети заговорщиков, совершить всё это? А если они имели таковую, то почему она не раскрыта? Свидание Ромма с Троцкими Булонском лесу, оказалось второй гостиницей „Бристоль”. Никаких документов „суд” в своём распоряжении не имел. Всё это говорит за то, что происходит простая расправа со старыми большевиками и с большевизмом. Расправу производит не один Сталин, а новый класс, который потащит в подвал ГПУ и Сталина, — бюрократия, боящаяся большевистских призраков. Она уничтожает их, чтобы они не мешали и не надоедали ей, чтобы не пугали её детей в предрассветных сумерках её полного торжества. В этом смысл казней.

Вызывает удивление поведение 16-ти и 17-ти подсудимых. Чтобы разгадать эту загадку, выдвигают „русскую душу”, больных героев Достоевского и проч. мистическую белиберду. Дело обстоит очень просто. Подсудимые не ре-

волюционеры, а крупные бюрократы и властелины которые находились у власти годы и годы. За двадцать лет господства партии, они потеряли все свои революционные качества. Они пришли на процесс не как революционеры, борцы против ненавистной системы, а как фрондирующие и интригующие сановники, для которых партия, как для опальных царских сановников монархизм, продолжает быть священной. Будучи ещё развращены властью и не чувствуя за собой тяжкого преступления, караемого смертью, они, в интересах личных, партии и международного коммунизма, разрушаемого Троцким, пошли на моральную сделку со своими палачами, несомненно, обещавшими им жизнь. От сановных большевиков революционной выдержанности и стойкости ожидать нельзя, когда их судит своя партия: это было бы грубейшим непониманием двадцатилетнего периода русской истории. Стойкость можно найти у рядовых и середняков партийцев, как Николаев.

Московские процессы и расстрелы — это естественное, логическое моральное и физическое разложение большевизма. Разложившийся труп скоро выбросят с отвращением. После большевизма реакции быть не может, ибо реакция не сменяется реакцией. Скоро спадут красные цепи и трудовые массы облегчённо вздохнут энергично примутся за постройку истинного коммунизма на основе полной свободы и равенства. Час освобождения приближается, он ближе, чем многие думают...